

УДК 808.5:070

UDC 808.5:070

**К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ
РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ТЕКСТОВ ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕД
С В. Т. СПИВАКОВЫМ)**

**TO THE QUESTION OF SPECIFICITY
OF SPEECH BEHAVIOR OF
ELITIST LANGUAGE PERSONALITY
(ON THE MATERIAL OF INTERVIEW
TEXTS AND CONVERSATIONS
WITH V. T. SPIVAKOV)**

Н. А. Михальчук,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры общего и славянского
языкознания МГУ имени А. А. Кулешова*

N. Mikhalchuk,

*PhD in Philology, Associate Professor of
the Department of General and Slavic Linguistics,
Mogilev State University named after A. Kuleshov*

Поступила в редакцию 03.03.21.

Received on 03.03.21.

Статья посвящена некоторым аспектам проблемы специфики элитарной языковой личности – рассмотрению реализации принципов толерантности и некатегоричности, а также проявления речевой нестандартности в текстах бесед и интервью с В. Спиваковым. Доказывается, что в устной речи В. Спиваков корректно соблюдает принципы толерантности и некатегоричности. В дискурсе музыканта важное место занимают следующие способы снижения категоричности высказывания: указание на субъективность, деинтенсификация, выделение положительного аспекта явления, которое не одобряется, апелляция к положительному исходу ситуации. Специфическими чертами речевого поведения В. Спивакова названы частотность толерантных высказываний, а также творческое начало в коммуникации, выражающееся в употреблении метафор персонификации и терминологии одного вида искусства для описания понятий другого.

Ключевые слова: речевое поведение, толерантность, некатегоричность, элитарная языковая личность.

The article is devoted to several aspects of the problem of specificity of elitist language personality – considering realization of principles of tolerance and non-categorical as well as revealing of speech non-standard in the texts of conversations and interviews with V. Spivakov. It is proved that in the oral speech V. Spivakov follows the principles of tolerance and non-categorical correctly. In the discourse of the musician an important place belongs to the following ways of lowering categorical of the utterance: indication of subjectivity, deintensification, singling out the positive aspect of a phenomenon which is disapproved, appealing to positive outcome of the situation. Specific features of speech behavior of V. Spivakov are frequency of tolerant utterances and creative base in communication which is expressed with using metaphors, personification and terminology of one kind of art for describing another one.

Keywords: speech behavior, tolerance, non-categorical, elitist language personality.

Введение. Среди направлений антропоцентрической парадигмы лингвистики выделилась и активно изучается в том числе и в последние десятилетия коммуникативная лингвистика, – ее определяет интерес к человеку в ракурсе его процесса коммуникации.

Значимым в условиях современной языковой и социокультурной ситуации оказалось понятие типа речевой культуры, введенное в научный оборот О. Б. Сиротининой. В статье «Устная речь и типы речевых культур» (1995) лингвист определяет пять типов речевой культуры, среди которых называет элитарный тип речевой культуры [1]. И. А. Стернин, опираясь на классификацию О. Б. Сиротининой, предлагает несколько видоизмененную дифференциацию [2]. Каждый из выделенных типов речевой культуры по-разному описывается исследователями, с акцентированием тех или иных наиболее значимых для автора свойств.

О. Б. Сиротинина выделяет ряд важных навыков и особенностей элитарной языковой личности. Среди этих свойств, с одной стороны, коммуникативные: владение языковой личностью всеми функциональными стилями, разграничение устной и письменной форм речи, богатство словаря, соблюдение норм современного русского литературного языка, а с другой – психологические: самообразова-

ние и самоконтроль, отсутствие самоуверенности, уважение к собеседнику, в целом к людям, тягу к искусству, литературе в их лучших образцах и ко всем знаниям и др. [1]. Среди значимых параметров элитарного типа речевой культуры И. А. Стернин называет «некатегоричность в оценках»; «неперенос» того, что типично для устной речи, в письменную речь, а того, что свойственно письменной речи, в устную»; «умение использовать сниженную лексику и фразеологию в экспрессивных, художественно-образительных целях» [2, с. 5] Ю. Н. Караулов отмечает в числе черт элитарной языковой личности умение демонстрировать «высшую языковую способность (умение хорошо говорить)» в любых предлагаемых ситуациях общения, а также «широкое поле постоянной и разнообразной речевой деятельности» [3]. Н. И. Белунова к особенностям элитарной речевой культуры относит: «1) нестандартность, оригинальность речи, творческое отношение к языку; 2) многогранность интересов, энциклопедичность знаний; 3) строгое соблюдение этических норм в речевом общении» [4].

В рамках данной статьи элитарной языковой личностью мы считаем личность, строго соблюдающую базовые принципы речевого общения: вежливости, кооперации, толерантности,

некатегоричности, точности, определенности, объективности, достоверности, прямоты.

При отнесении речевой коммуникации представителей творческой интеллигенции к тому или иному типу речевой культуры считается ошибочным подход, при котором оцениваются результаты творческой и научной деятельности этих языковых личностей. С нашей точки зрения, данный ракурс лингвистического исследования требует тонкого, внимательного и скрупулезного анализа реальной коммуникации языковой личности, отраженной в текстах бесед и интервью, в записях спонтанной речи.

Основная часть. Рассмотрим специфические особенности речевого поведения В. Спивакова и реализацию в его дискурсе базовых принципов речевого общения.

Устная речь В. Спивакова проанализирована нами на материале «Диалогов с Владимиром Спиваковым» С. Волкова [5] и текстов интервью в Интернете. Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

1. Некатегоричность высказывания как основа эффективности речевого общения.

Категоричность в лингвистике понимается как функционально-семантическая категория, несущая вспомогательную семантическую функцию в структуре любого высказывания. Категоричность толкуется как мера уверенности, убежденности, неоспоримости в плане оценки говорящим своего высказывания. Существует взгляд на категоричность и как на служебно-семантическую категорию субъективной модальности.

Г. И. Гушина рассматривает категоричность как прагматическую категорию и доказывает ее тесную связь с базовыми принципами речевого общения – принципами кооперации, вежливости и толерантности, соблюдение которых особенно важно для осуществления эффективной коммуникации [6]. И. А. Стернин отмечает: «Этикет исключает категоричность в разговоре. При этом этикетна некатегоричность любых речевых действий, любых высказываний. Это связано с тем, что любая категоричность потенциально может привести к конфликту, а сущность этикета как раз в обратном – в профилактике конфликтов» [7].

Следует различать категоричность высказывания своего и чужого и, соответственно, способы снижения категоричности высказывания собственного и партнера по коммуникации.

Примечательно, что в «Диалогах с Владимиром Спиваковым» категоричность во многих фрагментах бесед присуща высказываниям интервьюера – Соломона Волкова, при этом интервьюируемый любых проявлений категоричности старательно избегает. В репликах-реакциях В. Спивакова в подобных случаях наблюдаем два варианта речевого поведения: 1) вежливое, выраженное в мягкой форме не-

согласие, 2) уклонение от ответа или комментария. Покажем это на примере.

Волков. *Может быть, поклонники Смоктуновского на меня обидятся, но мне кажется, что той планки, которую он взял в «Идиоте» под руководством Товстоногова, потом он уже не перекрыл.* Спиваков. *Во всяком случае, это было необычайно яркое впечатление на всю жизнь.*

Во фрагменте диалога в ответ на довольно категоричную реплику-стимул наблюдаем уклончивый ответ В. Спивакова. Высказывание является способом ухода от оценки, которую музыкант считает невозможным для себя. Благодаря уклончивому ответу в общении сохраняется эмоциональный фон доброжелательности и взаимного расположения.

В беседах наблюдаются немногочисленные случаи выражения неодобрения самим В. Спиваковым, но реализовано оно почти всегда некатегорично, в смягченной форме.

В дискурсе музыканта существенное место занимают следующие способы снижения категоричности собственных высказываний;

1) указание на субъективность (акцентирование своего мнения):

«Исторической ошибкой России, на мой взгляд, был не союз с Ордой и, конечно, не разгром тевтонских рыцарей. Трагедия России в том, что ее эволюционный путь развития был перечеркнут Октябрьской социалистической революцией»;

2) деинтенсификация:

Волков. *А сейчас детей как раз чуть ли не с пеленок «отдают на спорт». Или – учат языкам, компьютеру. А вот учить музыке стало немодно, приоритеты другие... Спиваков. **И это печально.** Не стану употреблять более сильное слово;*

3) выделение положительного аспекта явления, которое в целом не одобряется:

*«Я не очень люблю с чужим оркестром работать, особенно в Америке. **Они, конечно, играют кристально чисто. Я даже однажды не выдержал, спросил: как вы так чисто играете, интонационно точно, выверенно, баланс прекрасный? Мне удивленно отвечают: так мы же профессионалы... Они считают, что профессионализма вполне достаточно.** О Ю. Башмете: «Он замечательный альтист, чего не могу сказать о его выступлениях в роли дирижера»;*

4) апелляция к положительным переменам (Соответствует одному из требований русского речевого этикета, ср. И. А. Стернин, Н. И. Формановская. И. А. Стернин отмечает: «В этикетном общении должен преобладать коммуникативный оптимизм – настроение, которое ориентирует всех участников общения на возможность положительного разрешения всех обсуждаемых проблем») [7].
«– Экономически ситуация действительно

очень тяжелая. Но мы, как всегда в России, рассчитываем на сознание людей. Как говорится, и не то еще бывало. Но я думаю, что страна сделает важные выводы из этой истории и что теперь финансовая поддержка многих учреждений и отраслей будет пересмотрена».

При выражении отрицательных этических и эстетических оценок актуализируются прилагательные с семантикой неопределенности (*неоднозначный, безусловный*; ср. «*Он очень своеобразный человек*»), используются эвфемизмы (ср. «*Светланов не был человеком компромисса*», «*наши учителя нас не баловали*»), метафоры («*Вначале вы употребили слово “вирус”, так вот его поразил вирус болезненного себялюбия, появились элементы “сальверизма”*»).

В речевых актах неодобрения функционируют деинтенсификаторы: глаголы с приставкой *недо-* со значением недостаточности действия (ср.: *недолюбливал*) и с приставкой *под-*, указывающей на действие, совершенное слегка («*Прежней школы обучения уже нет, подрастеряли мы ее*»); прилагательные с приставкой *не-* вместо синонимичных без приставки (ср.: «*Характер у Мазеля непростой, это правда*», «*Жизнь у всех непростая*»), сочетания наречия «*очень*» с отрицанием («*Я не очень люблю с чужими оркестрами работать*», «*Я не очень понимаю, что значит музыкальная индустрия*»). Данные языковые особенности выступают в качестве средств выражения ряда приемов и способов снижения категоричности, формирующих некатегорические высказывания.

Изредка, вступая в область неприемлемого для себя нарушения окружающими этических норм поведения, В. Спиваков допускает категорические речевые акты неодобрения. Неприемлемое для В. Спивакова – это «предательство, неблагодарность, нравственная нечистоплотность». Ср.: – *Очень разочаровался в этом конкурсе. Ничего общего не хочу иметь с этим соревнованием и не буду.*

Подобные высказывания эмоциональны, в них включаются лексические и словообразовательные повторы («*Я не люблю, когда людьми пользуются, практически ничего не давая им взамен. Когда людей в оркестре делают бессловесными и неправыми*»), антитезы («*Они работают в страхе, а не в уважении. Люди, работающие в искусстве, должны работать в радости, а не в безысходности*»), реминисценции («*Вместе с Федором Михайловичем Достоевским я за униженных и оскорбленных*»), лексика с отрицательными коннотациями.

2. Соблюдение принципа толерантности.

Как отмечает ряд лингвистов, толерантность – это ядро лингвокультурологического поля, которое имеет национальную специфику

(В. Е. Гольдин, И. А. Стернин, Н. И. Формановская). Вследствие своей относительной новизны, понятие толерантности не имеет общепринятой дефиниции в лингвистической науке.

Е. А. Земская рассматривает толерантность в качестве категории речевого общения, В. Е. Гольдин, О. С. Иссерс, М. Я. Дымарский – как один из важнейших принципов речевой коммуникации.

Толерантной языковой личностью мы считаем личность, которой свойственна высокая степень терпимости к иному образу жизни, мировоззрению, поступкам и обычаям, а в творчестве – иным, чем у него самого, эстетическим принципам, что проявляется в использовании специфических высказываний.

Средством выражения речевой толерантности являются толерантные высказывания (речевые акты неосуждения). К ним мы относим речевые акты, направленные на явления, которые адресант, исходя из своей системы ценностей, не одобряет, но понимает и принимает.

Владимир Теодорович Спиваков – в высшей степени толерантная языковая личность, в его дискурсе высокоупотребительны речевые акты неосуждения.

В дискурсе музыканта различаем толерантные высказывания в сфере этических оценок и в сфере художественного творчества.

1. Неосуждение в сфере этических оценок.

К первой группе относим следующие речевые акты: о педагоге по музыке Ю. И. Янкелевиче, который похвалил его за всю жизнь только один раз, когда В. Спиваков уже состоялся в профессии: «*Он не был жестоким по натуре – просто система была такая, а он был во многом человеком системы*»; «*Наши учителя нас не баловали, возможно, потому, что было иное время и мы все жили под грузом советской системы*»; о критическом отношении скрипача Д. Ойстраха к своему студенту: «*Жестко, но он поступил как врач. Иногда для выздоровления нужно выпить горькое лекарство*»; о личности Бродского: «*Не знаю, как бы сложились отношения, если бы мы встретились лично и общались. Говорят, что Иосиф был сложной личностью – жестким, иногда жестоким человеком. Однако ему многое простительно хотя бы за парадоксальную мысль, я немного перефразирую – один человек отличается от другого только степенью отчаяния. Его жестокость, конечно же, форма самозащиты, следствие трудной судьбы, в которой было много несправедливого, ранящего*».

2. Неосуждение в сфере эстетических оценок.

Ср., в области творческой деятельности, ср.: «*В среде американских музыкантов не принято оставлять слишком много эмоций на сцене, выкладываться перед аудиторией. В этом колоссальная разница между американскими и русскими оркестрами*».

Речевые акты неосуждения в дискурсе В. Спивакова часто имеют синтаксическую структуру безличного предложения (ср. «*В среде американских музыкантов не принято...*»). В некоторых случаях в структурном отношении они являются сложноподчиненными предложениями с придаточными причины, сложносочиненными предложениями с противительно-возмездительными отношениями, а также бессоюзными предложениями с причинно-следственными отношениями.

3. Творческое начало в коммуникации, нестандартность речи.

Специфика проявления творческого начала, речевой нестандартности в дискурсе В. Спивакова проявляется, на наш взгляд, в двух особенностях его речевой индивидуальности. Это, во-первых, употребление метафор персонификации, а также, во-вторых, использование способа метафоризации, когда в музыкальных терминах речь идет о другом виде художественного творчества.

В устной речи В. Спивакова существенное место отводится метафорам персонификации, в которых объектами персонификации выступают понятия, связанные с музыкой, – **скрипка, дирижерская палочка, оркестр**. Приверженность данному виду речевой выразительности обусловлена особым типом мышления и сознания представителя профессии музыканта, дирижера и отражает наиболее существенное в его системе ценностей – глубокий интерес к музыке, которая является синонимом бытия. Как следствие, музыкальная тема требует соответствующих и специфических средств образности, речевых форм.

Ср.: – *А скрипка? Что она делала?*

– *Плакала и страдала. Она только с виду покорная, а в действительности я не хозяин ее, а слуга. Скрипка же подобна живому существу: ревнует, обижается на невнимание – тогда она скрипит, расстраивается, переживает, кряхтит, болеет, у нее начинается насморк, у нее лопаются струны. Скрипка может умереть.*

Для дискурса музыканта характерна и такого рода метафоризация, когда термины из одной тематической сферы используются для характеристики другой. Так, в терминах музыки В. Спиваков говорит о прозе А. П. Чехова: «*Его писательская срединная интонация – как раз такая срединная партия*». О поэтической индивидуальности М. Цветаевой: «*Для Цветаевой рояль – душа, с молотками, со струнами рвущаяся*». О музыкальных реминисценциях у М. Булгакова: «*Коровьев-Фагот – бывший*

регент церковного хора. Воланд в телефонную трубку напеваает песню Шуберта «Приют» Тут каждая деталь неслучайна».

Данный коммуникативный прием находится в непосредственной связи с особенностями мировоззрения В. Спивакова, в котором исходной точкой отсчета является художественная реальность музыкального произведения.

Заключение. Таким образом, в устной речи В. Спиваков строго следует базовым принципам речевого общения: толерантности, некатегоричности, а также, как показывают результаты других наших исследований, – вежливости и кооперации.

Безусловно, не все особенности элитарной языковой личности обнаруживаются в дискурсе музыканта. Под сомнение следует ставить «многосоставность» словаря, нет языковой игры, практически отсутствует юмор в коммуникации. Средства речевой выразительности, используемые В. Спиваковым, не принадлежат к тому самому высокому уровню, какой мы привыкли наблюдать в дискурсах представителей творческой интеллигенции, чья профессиональная деятельность связана со словом.

Следовательно, в контексте сказанного встает вопрос об иерархии параметров отношения языковой личности к элитарному типу речевой культуры, о большей или меньшей значимости этих признаков.

С нашей точки зрения, в речевой коммуникации В. Спивакова обнаруживаются важнейшие параметры элитарного типа речевой культуры. Прежде всего, он корректно соблюдает базовые принципы речевого общения, что наблюдаем нечасто в речи современных деятелей культуры и искусства (Ср. исследование Н. И. Белоуновой в рамках культуры и искусства XIX века – все рассматриваемые представители творческой интеллигенции этого времени являются элитарными языковыми личностями) [4]. Есть и творческое начало в коммуникации В. Спивакова, оригинальность, нетривиальность речи.

Особенностью устной речи В. Спивакова является и частотное употребление прецедентных текстов, что отражает многогранность его интересов, связь с выдающимися представителями русской и мировой культуры.

Отсутствующие в дискурсе музыканта признаки элитарной языковой личности, с нашей точки зрения, – менее значимые, факультативные. Рассмотрение речевой коммуникации В. Т. Спивакова в рамках элитарного типа речевой культуры, по нашему мнению, является оправданным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – 1995. – № 4. – С. 3–21.
2. Стернин, И. А. Типы речевых культур / И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2013. – 23 с.

REFERENCES

1. Sirotinina O. B. Ustnaya rech' i tipy rechevyh kul'tur. / O. B. Sirotinina // Rusistika segodnya. – 1995. – № 4. – S. 3–21.
2. Sternin, I. A. Tipy rechevyh kul'tur / I. A. Sternin. – Voronezh: «Istoki», 2013. – 23 s.

3. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 8-е изд. – М. : URSS : Либроком, 2014. – 261 с.
4. *Белунова, Н. И.* Элитарная речевая культура и ее основные особенности (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.) / Н. И. Белунова. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2009. – 103 с.
5. *Волков, С.* Диалоги с Владимиром Спиваковым / С. Волков. – М. : АСТ, 2019. – 319 с.
6. *Гущина Г. И.* Категория категоричности / некатегоричности высказывания в системе норм речевой коммуникации (на материале русских и английских диалогов) / Г. И. Гущина // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 4. – С. 982–985.
7. *Стернин, И. А.* Русский речевой этикет / И. А. Стернин. – Воронеж, 1996. – 73 с.
3. *Karaulov, Yu. N.* Russkij yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov. – 8-e izd. – M. : URSS : Librokom, 2014. – 261 s.
4. *Belunova, N. I.* Elitarnaya rechevaya kul'tura i ee osnovnye osobennosti (na materiale druzheskih pisem tvorcheskoj intelligencii konca XIX – pervoj chetverti XX v.) / N. I. Belunova. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2009. – 103 s.
5. *Volkov, S.* Dialogi s Vladimirom Spivakovym / S. Volkov. – M. : AST, 2019. – 319 s.
6. *Gushchina G. I.* Kategoriya kategorichnosti / ne kategorichnosti vyskazyvaniya v sisteme norm rechevoj kommunikacii (na materiale russkih i anglijskih dialogov) / G. I. Gushchina // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2009. – № 4. – S. 982–985.
7. *Sternin, I. A.* Russkij rechevoj etiket / I. A. Sternin. – Voronezh, 1996. – 73 s.